

—
В тот день, когда Цзинь И вернулся в поместье, буря уже утихла, поэтому он ничего не слышал об этом инциденте.

Однако Бай Лу все же выбрала подходящий момент и тихонько рассказала Цзинь И о произошедшем сегодня.

Когда Цзинь И ушел в Фан Мань Тин, Бай Сюэ спросила Бай Лу: «Сестра, почему ты рассказала об этом господину? Разве старая госпожа не приказала никому больше не упоминать об этом?»

Бай Лу ответила: «На людях, конечно, никто не будет упоминать, но разве за спиной будет меньше разговоров? Если мы не скажем об этом, а господин останется в неведении, позволяя Мин Гунцзы глотать обиду. Мы должны разделять заботы господина».

Бай Сюэ рассмеялась: «Сестра, ты все продумала, звучит очень изысканно».

Бай Лу тоже рассмеялась: «Хоть мы и слуги, но не каждый может это сделать, так что почему бы и не быть изысканными?»

Когда Цзинь И пришел в Фан Мань Тин, Фу Мин только что проводил Чжаояня и стоял во дворе. Немногочисленные оставшиеся желтые листья на ветвях над головой покачивались на вечернем ветру.

«Заходи в дом, хоть ветер еще не очень холодный, но от долгого пребывания на нем можно простудиться». Сказав это, Цзинь И наполовину обнял, наполовину подтолкнул его в дом.

«Господин чувствует холод? Я заварю вам чай». Фу Мин пожал руку Цзинь И, она была теплой.

Цзинь И сказал: «Не холодно и не хочется пить, ты садись, мне нужно кое-что сказать тебе».

По знаку Цзинь И все служанки удалились. Фу Мин спросил: «Что господин хочет сказать? Так загадочно».

Цзинь И не притворялся загадочным; он редко делал такие вещи. Причина, по которой он отослал слуг, заключалась лишь в том, чтобы Фу Мин чувствовал себя свободнее и сохранить ему лицо.

«Мне нечего особо говорить, просто я слышал о сегодняшнем инциденте. Старая госпожа была рассержена и сказала кое-что слишком резко, не принимай это близко к сердцу. Старая госпожа видит, какой ты на самом деле человек».

Голос Фу Мина казался равнодушным: «Господин преувеличивает, я не смею и не буду злиться на старую госпожу».

Цзинь И покачал головой: «Я пришел не защищать старую госпожу, я... я беспокоюсь, что тебе тяжело на душе, а ты не можешь высказаться и будешь мучиться в одиночестве».

Фу Мин хотел улыбнуться, но в итоге не смог. Он слегка повернул голову и долго молчал.

Цзинь И взял его за руку и мягко сказал: «Мы все знаем, насколько искренни твои чувства к

нам». Он немного помедлил, а затем добавил: «У тебя большое сердце ты умен, это хорошо, но слишком много размышлений о некоторых вещах вредно для тебя, лучше не думать. Тогда ты будешь счастливее».

Наконец на лице Фу Мина появилась легкая улыбка. Он ответил: «Господин, я понимаю ваши намерения. На этом давайте закончим, я не буду думать об этом, и вам тоже не стоит».

Цзинь И сказал: «Хорошо, не будем об этом думать. Впредь, если захочешь выйти, скажи мне, я выведу тебя».

«Угу, хорошо, я скажу вам тогда».

Цзинь И увидел, что угрюмость на лице Фу Мина, кажется, немного спала, и успокоился. Затем он почувствовал, что его желудок пуст, и с улыбкой сказал: «У тебя здесь есть что-нибудь поесть? Я забыл поужинать».

Фу Мин беспомощно рассмеялся: «Я позову, пусть кухня снова приготовит».

«Не нужно беспокоиться, если есть готовое, просто разогрейте».

Фу Мин покачал головой: «Все, что мы ели сегодня вечером, нельзя оставлять на ночь. И я сказал, что сегодня лягу спать рано, поэтому не просил готовить закуски на ночь. Боюсь, готового ничего нет, лучше приготовить заново, что-нибудь простое, это недолго и нехлопотно».

«Тогда хорошо. Ты, наверное, вечером тоже не смог как следует поесть, может, поешь со мной еще немного?»

Фу Мин кивнул: «Хорошо. Подождите немного, я пойду найду служанок, вы же их разогнали, так что сначала нужно их вернуть, верно?»

Цзинь И увидел, что Фу Мин уже способен шутить, и тоже почувствовал себя намного лучше. Раньше он больше всего не любил слово «любовь», потому что часто считал, что любовь — это признак слабости. Но когда он действительно встретил человека, о котором мог беспокоиться и скучать, он почувствовал, что иногда любовь идет от чистого сердца, и пусть все идет своим чередом.

—

После того, как старая госпожа фактически поместила Фу Мина под домашний арест в поместье Цзинь, он еще не успел сам предложить Цзинь И выйти, как получил приглашение от слуги семьи Чжоу. Его приглашали встретиться в павильоне Цзяньлоу до начала зимы. Подпись на приглашении была «Сыфу».

Фу Мин велел отнести приглашение старой госпоже на рассмотрение. Узнав, что это приглашение от Чжоу Чэнъяня, старая госпожа согласилась на выход Фу Мина.

В день начала зимы стало еще холоднее. Фу Мин переоделся в зимнюю одежду и вышел из дома с Бай Хуа. Теперь Бай Хуа стал его слугой, специально занимающимся его делами вне поместья, сопровождая его в поездках или выполняя поручения.

Зима в столице была суровой, и овощи на полях не могли выжить. Поэтому в эти дни прилавки и магазины, торгующие зимними овощами, процветали. Горожане спешно закупались, чтобы

обеспечить себя на всю зиму. Фу Мин шел и смотрел, вбирая в себя и запоминая картину зимнего рынка, чтобы потом добавить ее в свои записи.

Они шли по улице и увидели управляющего поместья Цзинь, который с несколькими людьми занимался закупками. Они поздоровались, управляющий продолжил заниматься делами, а Фу Мин с Бай Хуа направились к Цзяньлоу.

Прибыв на место, их провели в отдельную комнату на верхнем этаже, но ожидающий там человек был не Чжоу Чэнъянь, а Чжоу Хуаньцин.

Хотя на приглашении от семьи Чжоу было написано «Сыфу», это был не почерк Чжоу Чэнъяня. Фу Мин подумал, что тот просто поленился и попросил кого-то написать. Но Фу Мин не знал, что Чжоу Чэнъянь никогда не использовал чужие руки для составления подобных приглашений, отправляемых ему.

Несмотря на обман, Фу Мин, раз уж пришел, не спешил уходить. Он хотел понять, что же эта госпожа Чжоу так тщательно скрывала, чтобы найти его.

Чжоу Хуаньцин, увидев Фу Мина, с легкой улыбкой на лице лично налила ему бокал светлого вина: «На улице холодно, Фу Гунцзы, сначала выпейте, чтобы согреться».

«Спасибо», – Фу Мин взял бокал и выпил вино.

«Если бы я не воспользовалась именем моего старшего брата, Фу Гунцзы, я думаю, вы бы не пришли на мою встречу. Хоть это и выглядит как обман, но это было вынужденно, Фу Гунцзы, простите меня», – сказала Чжоу Хуаньцин, поднимая бокал. «Я выпью сама, чтобы извиниться перед Фу Гунцзы».

Фу Мин не стал препятствовать, позволил ей выпить вино и спросил: «Госпожа Чжоу, вы так хитроумно пригласили меня, что вам угодно?»

Чжоу Хуаньцин все еще улыбалась: «Во-первых, чтобы извиниться перед Фу Гунцзы за свои прежние неосторожные слова. Во-вторых, я хотела бы заранее кое-что сказать Фу Гунцзы».

Фу Мин кивнул: «Говорите».

«С чего бы начать?» Чжоу Хуаньцин перевела взгляд в пустоту, словно размышляя, и спустя мгновение сказала: «Фу Гунцзы, как вы думаете, какой человек мой зять?»

Фу Мин сказал: «Разве госпожа Чжоу не знает, какой он человек? Если вы не знаете, почему вы так старались войти в семью Цзинь?»

Чжоу Хуаньцин усмехнулась: «Все говорят, что Фу Гунцзы мягок и любезен, добр к людям. Я вижу, что это не совсем так, вы тоже бываете напористы».

«Госпожа Чжоу, говорите прямо, не нужно ходить вокруг да около».

Улыбка на лице Чжоу Хуаньцин постепенно сошла: «Я хотела с вами подружиться, мы ведь все равно будем одной семьей, зачем нам давить друг на друга? Но, похоже, у Фу Гунцзы нет таких же мыслей».

Фу Мин усмехнулся: «Позволять госпоже разжигать огонь, а мне не давать зажечь свечу. Если дружба госпожи означает это, то я не могу сотрудничать».

Чжоу Хуаньцин слегка покачала головой, и ее тон стал холодным: «Тогда ладно. Я думала, если Фу Гунцзы будет благоразумен, то впредь я уступлю ему немного. Но, похоже, Фу Гунцзы, полагаясь на свое нынешнее положение в поместье Цзинь, не хочет считаться со мной».

Фу Мин усмехнулся: «Госпожа Чжоу преувеличивает. Когда я смотрю на человека, он для меня тот, кем он должен быть, и не может быть речи о том, чтобы не принимать кого-то во внимание».

«Хорошо сказано: 'он для меня тот, кем он должен быть'», — сказала Чжоу Хуань Цин. «Тогда, Фу Гунцзы, как вы думаете, кто я?»

«Вы — госпожа из семьи Чжоу, сестра Чэньяня. И будущая наложница господина».

«Да, я госпожа из семьи Чжоу. Тогда, Фу Гунцзы, как вы думаете, кто семья Чжоу по сравнению с семьей Фу?»

«Естественно, семья Чжоу обладает более высоким положением и властью».

«Как вы и сказали, мое происхождение отличается от вашего. Более того, мои родители и старший брат — моя опора, а что касается семьи Фу для вас, я тоже разузнала, это всего лишь номинальный дом матери. К тому же, хотя вы и вышли замуж за Цзинь И по императорскому указу, это все же не было истинным желанием старой госпожи и моего зятя. А у меня и зятя есть давние чувства, которые появились раньше ваших. С какой бы стороны ни посмотреть, ваша позиция законной жены никак не может сравниться с моей».

Фу Мин, услышав это, почувствовал лишь насмешку и, не желая оспаривать каждое слово, сказал лишь: «Если госпожа позвала меня сюда лишь для того, чтобы поставить меня на место, то в этом нет необходимости. Какова истина, покажет будущее».

«Хорошо, тогда будем ждать и смотреть. Когда я войду в поместье Цзинь, соединюсь с зятем узами брака и рожу ему детей, тогда я все еще буду госпожой из семьи Чжоу, тетей Чжаояня, и матерью его детей. А вы, кто вы? Вы думаете, что к тому времени в поместье Цзинь для вас, законной жены, все еще найдется место?»

Фу Мин, увидев на лице Чжоу Хуаньцин уверенность в победе, не захотел больше с ней разговаривать. Он встал и, перед уходом, остановился, сказав: «Госпожа, возможно, вы так сильно любите господина, что не жалеете себя. Но я считаю, что место человека не может быть получено или потеряно путем борьбы или уступок. Кто вы есть, то место вы и занимаете. Желаю госпоже всего хорошего». Сказав это, он быстро вышел, и его спина вскоре исчезла за дверью.

Чжоу Хуань Цин на мгновение оцепенела, затем холодно усмехнулась: «Самообман, вы еще увидите».

—

Ночью Цзинь И пришел в Фан Мань Тин и, раздеваясь перед сном, спросил Фу Мина: «Я слышал, ты сегодня встретился с Чэньянем?»

Фу Мин хотел было скрыть, но, передумав, решил, что Цзинь И — человек прямой и честный, и ему незачем скрывать, поэтому ответил: «Это госпожа Чжоу прислала мне приглашение, используя имя Чэньяня».

«Что ей от тебя нужно?»

«Ничего важного, просто говорила кое-что, представляя свое будущее».

Цзинь И, услышав это, немного подумал и сказал: «У нее девичьи мысли, и она, наверное, не очень хорошо к тебе относится. Тебе не нужно ей потакать и не нужно с ней спорить, пусть она разыгрывает свою драму в одиночестве».

Фу Мин сказал: «Я вижу, что, хоть она и молода, но очень умна и много чего замышляет. Сейчас она в семье Чжоу, а я здесь, и я еще могу избегать ее и не обращать внимания. Но когда настанет время, когда избежать будет невозможно, Чанцзе, скажи мне, что мне тогда делать?»

Цзинь И ответил: «Посмотрим, когда это произойдет, сейчас все это лишь догадки. Не волнуйся, я не позволю тебе страдать».

Фу Мин покачал головой: «Я не боюсь страдать, но страдать из-за нее, я считаю, не стоит. Чанцзе, возможно, ты сочтешь меня смешным, но это мои искренние слова, и я надеюсь, ты поймешь». Фу Мин слегка вздохнул: «Я не жалею, что вышел за тебя замуж, напротив, я считаю тебя очень хорошим, и рядом с тобой я чувствую себя счастливым по своей воле. Но я все еще мужчина, и заставлять меня бороться за расположение или положение в поместье с женщиной — это абсолютно невозможно. Но я также понимаю, что во многих случаях, находясь на определенном месте, человек оказывается бессилем. Я не хочу превращаться в того, кого сам не узнаю, и не хочу испытывать к тебе никаких обид. Поэтому, в будущем, если действительно — я говорю, если, если в этом поместье мне станет неуютно и небезопасно, я надеюсь, ты сможешь отпустить меня».

Каждое слово Цзинь И слышал, и они были подобны все усиливающемуся северному ветру за окном, пронзая его сердце и вызывая легкое беспокойство. Он резко обнял Фу Мина, его голос стал глухим, но интонация — тяжелой: «Этого не будет. Пока я здесь, в этом поместье, здесь будет твое убежище и покой. Но если, если действительно наступит время, когда тебе будет неуютно, скажи мне, и я обязательно, обязательно не допущу, чтобы тебе было тяжело». Он погладил лицо того, кто был в его объятиях, словно обещая, а словно моля: «Есинь, поверь мне».

Фу Мин посмотрел на Цзинь И, на все эмоции в его глазах, и в его сердце внезапно возникло сильное нежелание расставаться. Оказывается, если человек вошел в твое сердце, даже гипотетическая разлука может принести такую боль. Он кивнул, обнял Цзинь И в ответ, положил лицо ему на плечо и слово за словом ответил: «Хорошо, я верю тебе».

—

<http://bllate.org/book/12585/1118431>